

ЧИТАЙ КНИГУ • СМОТРИ ФИЛЬМ

КомпасГид
издательский дом

ГОЛОВА- ЖЕСТЯНКА

серафима орлова

Серафима Орлова

Голова-жестянка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42838319

Голова-жестянка:

ISBN 978-5-00083-705-4

Аннотация

Женя + трость = Жесть. Только Жесть минус ненавистная трость – это не будет прежняя Женя. Гипс сняли, в школу выпустили, шрамы заживают, но ничего уже не станет как раньше. Она теперь заперта в этом теле, которое всё время укачивает, которому больно, и холодно, и хочется драться. Заперта, как тот мужик в костюме робота с обзорным окошечком в груди. Женино окошечко, будто камера в телефоне, выхватывает из реальности кадры: белую бабочку, синие кеды, зелёных озоботов на красных деревьях. Трёхлитровую банку с мясом. Том Шекспира. Механического таракана.

Таракан прибежал из кружка робототехники. И с чего Женю туда потянуло? Руководитель неприятный – говорит с ней так, будто лучше Жени понимает, что творится у неё в голове. А в кружке малышня да ребята из школы во главе с Жениным бывшим – та ещё радость с ним сталкиваться. Хотя всё лучше, чем слушать, как родители обсуждают её за глаза, троллить брата или ловить на себе взгляды одноклассников, жалостливые и презрительные. Может, здесь получится заново собрать себя?

Серафима Орлова направляет на свою героиню жёсткий свет, показывает её со всеми недостатками и проблемами в эмоционально трудный период – и в то же время поэтизирует повседневность подростковой жизни. Следуя за Женей-Жестью по сюжету, словно по нарисованной на полу траектории для робота, начинаешь верить: у жестянки внутри бьётся настоящее, живое сердце. Повесть «Голова-жестянка», вошедшая в шорт-лист премии «Книгуру» и номинированная на премии им. В. П. Крапивина и «Лицей», по визуальной эстетике близка фильмам Даррена Аронофски и Сэма Мендеса, а исключительная психологическая точность роднит ее с книгами «Виноваты звёзды» Джона Грина и «Всё на свете» Николы Юн.

Содержание

Восхитительная пустота в голове	6
Пролог	9
Глава 1	20
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Серафима Орлова

Голова-жестянка

© Орлова С. Ю., текст, 2019

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

Восхитительная пустота в голове

А ещё за нами летит квадрокоптер

Никогда не пинали по асфальту пустую консервную банку? Бамц! Банка с весёлым звоном прыгает по асфальту, прыгает, прыгает, останавливается – и тишина. Бамц! Прыгает, звенит, отскакивает от камней. Бамц! В четырнадцать лет такое бывает. Катишься куда-то, шарахаешься из стороны в сторону, наступаешь на грабли, бьёшься лбом о встречные столбы, звереешь понемногу. То есть не понемногу.

Вроде всё нормально, день как день, всё в порядке, а что-то дребезжит в голове, аукает, то ли на ногу наступили, то ли мир опрокинулся, то ли переходный возраст, но особо волноваться не стоит, перебесится – мука будет. Повесть Серафимы Орловой как раз про это. Не про то, что мука, а про то, что перебесится. Вот только перебеситься аккуратненько и без последствий мало у кого получается.

Ссоры, неразумные поступки и глупые выходки, обиды, которые нельзя забыть и трудно простить... Это принято называть «ошибки молодости». Кто их не совершал? Кто о них не жалел? А у кого получилось исправить хотя бы одну?

«Если человек не может исправить ошибку, значит, это не в человеческих силах». Так говорит один из персонажей «Головы-жестянки». Он прав. Но...

Как не совершить необратимых поступков? Как простить? Как жить с предательством? Вопросы.

«Голова-жестянка» именно об этом. О зиме, о роботах, немного о джиннах. О хороших людях.

Героиня «Головы...» Женя хромает по зимним улицам, проблемы в повести поднимаются взрослые и нешуточные, однако настроение в книге летнее, светлое и просторное. Наверное, потому, что «Голова-жестянка» безусловно наследует традициям советской молодёжной прозы, в которой всё будет хорошо. И пусть читателя не смущают джинны и роботы, лютное прозвище главной героини, её трость и странные клички остальных: перед нами классическая история о переправе, о горении души, о вечных проблемах, которые не обойти. О том, что молодому человеку для того, чтобы пройти по минному полю от детства к юности, возможно, нужна помощь.

Так случилось, что в значительной части детской литературы последнего времени прослеживается чёткая тенденция противопоставления «мир взрослых – мир детей». Эти вселенные мало соприкасаются, а обычно и явно противостоят. Искренний мир детства категорически отторгает мир взрослых – пространство двоемыслия и стыдливых компромиссов. Происходит это и на страницах реалистических книг, и уж тем более на страницах сказки и фэнтези. Собственно, это хорошо, ценность детской литературы в её гайдаровской бескомпромиссности – за это и любим. Но бескомпромисс-

ность вымыла из подростковых книг образ положительного взрослого, который впору заносить в литературную Красную книгу.

В «Голове-жестянке» хороший взрослый есть. А сама Женья, то по-детски капризная и вздорная, то по-взрослому мудрая, чем-то напоминает другую Женю, гайдаровскую. Правда, Серафима Орлова, как любой хороший писатель и писатель современный, к своей героине решительно безжалостна. Иногда даже кажется, что вырулить из сложившейся ситуации у Жени не получится никак. Зима. Лёд. Предательство. Выхода нет.

Но хорошие люди не должны остаться без помощи.

И спасательный квадрокоптер уже в пути.

Эдуард Веркин

Пролог

День, когда я живу

Пора отправляться. Это чувство приходит намного раньше, чем появляется Димка, уставший ждать меня в раздевалке. Намного раньше, чем ребята заканчивают пробные попытки и уносят всё в карантин. Намного раньше, чем смешные мужики за моей спиной принимаются тосковать по школьным временам:

– Вот это я понимаю, вот бы нам такие штуки во время учёбы! А то у нас был тот ещё трудовик. Его звали Кондрат.

– Понимаю. Нашего звали Арнольд.

– Нет, Кондрат был нормальный, но всё равно не то.

Я их слышу как через вату. У меня отвратительно точное чувство времени. Я обычно просыпаюсь до звонка будильника, ненавижу эту свою способность.

Я не думала, что мне всё-таки станет страшно. Все старые симптомы вернулись: ноги трясутся, в животе крутит, колет под языком, голову будто сдавило железным обручем. В общем, тело напоминает кучу непонятно почему сцепившихся и враждебных друг другу механизмов. Как в борьбе сумо, если бы она была не один на один, а устраивали бы общую свалку. Ну вот, я до того насмотрелась на борьбу сумо, что стала видеть в ней высокий смысл. А тут высокого смысла

нет, это же лего, у них всё легко и конкретно.

Правда, ребята, которые работают с лего, не согласились бы со мной. Но я всё равно их подкалываю, когда общаемся. Беру пример с Тиля. Он уже сегодня спорил с кем-то из леговцев на задних рядах стадиона, едва не сцепились. На самом деле робототехники мирные, просто Тиль всегда разжигает.

Так уж получилось, что леговцы и ардуинщики немножко в состоянии конкуренции. Ардуинщиков почти не было раньше, в этом году только в творческих проектах наконец появились, а соревнования пока полностью под лего. Я бы с удовольствием посмотрела борьбу сумо под «Ардуино». Да что там — я бы склепала что-нибудь к соревнованиям, но нет возможности.

Карантин кончился, теперь будут соревновательные попытки. Меня всегда смешит — не соревнования, а соревновательные попытки. То есть они пытаются соревноваться, а не пытаются победить.

Детали поправили, программы переписали, всё должно быть нормально. Но всё равно не у всех нормально. Вот судья в красной майке бросил монетку, вот мелкие пацаны выставили своих роботов на круглое чёрное поле. Запустили по отмашке. И у обоих лаг с датчиками; роботы, вместо того чтобы беспощадно выталкивать друг друга с площадки, стали вертеться вокруг своей оси. Это не борьба сумо, а вальс получается.

– Ничья, – с широкой улыбкой произнёс судья.
– Правда? – обрадовались пацаны.
– Шутка. Ноль баллов. Удачи в следующем году.
– Ну-у-у... – надулись ребята, забрали вальсирующих роботов и пошли жаловаться к ограждению, на которое навалились человек двадцать родителей. Моя задача как волонтера следить, чтобы никто не прорвался на поле и не мешал судьям оценивать участников соревнований. Поэтому я отгоняю родителей за ограждение. Они меня не любят немножко. Некоторые. А другие спокойно относятся. Я бы ещё прогнала назойливых людей с бейджиками «Пресса», но нельзя, не поймут. Поэтому пресса шляется возле судей и задаёт отвлекающие вопросы. Я иду в сторону родителей, отпихнув попавшегося на пути фотографа.

Вот, кто-то опять стал прорываться на поле. Щекотка в животе усилилась, как всегда, когда происходит неприятное. Ещё одно на другое накладывается, конфликт на ожидание. Конфликт? Да, конфликт в разгаре.

– Тут с готовыми роботами приходят, с готовыми программами, а в регламенте написано, что надо собирать всё здесь, писать программу с нуля! – негодует высокая женщина с двумя детскими пуховиками в руках.

– Откуда вы знаете, что кто-то с готовыми программами пришёл? – я уверенно подхожу, заложив руки за спину. Женщина впивается взглядом в мою оранжевую волонтерскую футболку:

– Позовите мне судью! Я слышала! Тут обсуждают! Говорили, что старший мальчик написал программу для другого из команды...

– Кто говорил? – в таких случаях важно быть холодной и последовательной. Женщина растерялась, оглядывается:

– Вот тут рядом...

– Подслушивать вредно, ещё не то может померещиться, – говорю я с доброй улыбкой. Как нас учили, открывая зубы, а не поджимая губы. Ну, хоть и учили, я всё равно не могу, я улыбаюсь орущим людям так себе улыбкой. Женщина опешила, но всё-таки продолжает:

– Позовите судью!

И тут я вижу Димку. Он стоит в толпе родителей, которые временно забаррикадировали ему проход. Родители тянут шеи, высматривают своих детей на борьбе сумо, на гоночных трассах. И Димка высматривает. Только не детей, а меня.

– Сейчас я позову вам судью, – уступаю я. Лучше уступить, воспользоваться моментом и ещё немного оттянуть время. Этого делать нельзя, но я не могу противостоять щекотке в животе. Щекотка подсказывает, что лучше где-нибудь спрятаться. Передохнуть. Осознать. Потом уже выйти к Димке.

Но спрятаться я не успеваю. Димка заметил меня, он ни с чем не спутает мою причёску, которая сверху нормальная, а снизу – будто прополоскали в борще. Не в том смысле, что

там морковка застряла, просто я всегда хотела себе красные кончики, недавно сделала. Димка кричит мне в спину, перевесившись через ограждение:

– Жесть, я пришёл!

На такое я отзываться не буду. Хватит, старые времена безвозвратно уплыли. Я не оборачиваюсь, углубляюсь в толпу, притворяюсь, что ищу нужного судью. Расталкиваю очередь на шорт-трек. Очередь огрызается, защищает свои подделки.

– Жесть, пора, твоя очередь!

Я тщательно изображаю глухую тетерю, смотрю на соревнования шорт-трека, хотя щекотка в животе мешает мне получать удовольствие от наблюдений.

Опять, видимо, датчики не откалиброваны, робот соскакивает с широкой чёрной линии, нарисованной на белом игровом поле, подъезжает к краю и находит полоску скотча, которым поле прилеплено к резиновому покрытию. Ездить по скотчу ему интереснее, свет лучше отражается. Робот объезжает поле по периметру, находит кусочек разметки на резиновом покрытии, перебирается на голый пол и чешет со всей дури к зоне борьбы сумо, будто решил навалить соседям. Хозяин робота, хохоча, бежит за ним, но скорость высокая, догоняет не сразу.

– Женя, иди сюда! Волкова! Парни, позовите Волкову! Женя!

Вот. Женя, а не Жесть. Уже лучше, но идти-то я всё рав-

но не хочу. Да, надо же судью позвать, а то там родители паникуют. Я продолжаю «искать судью» и отступаю ещё глубже, в тренировочную зону, за столы для карантина. Прячусь за проходящего мимо журналиста, хоть чем-то они полезны, потом изящно ныряю под стол для карантина. Столы составлены вместе в длинную змею. Я проползаю под столами и оказываюсь на противоположном крае, у рекламных щитов, которые отгораживают дальнюю часть поля. Нахожу щель между щитами, пролезаю, иду направо, в сторону зоны с творческими проектами. Там много выгороженных ячеек, в каждой сидят дети – от дошкольников до ребят моего возраста – и представляют свои проекты, действующие модели изобретений. Вчера я сама там презентовала поливалку, кстати, высший балл дали, а сегодня прячусь в третьей с краю ячейке. Тут сидят мама и семилетний малыш, которые удачно не сдали куртки. У них проект мельницы на солнечных батареях, класс, жалко, что времени нет рассматривать. Я забираюсь с ногами на стул, сажусь и прикрываюсь чужой курткой под недоумённые возгласы хозяев.

– Извините, пожалуйста, мы играем. Я за вас проголосую потом, – обещаю я.

– Вроде уже большая девочка, чтобы играть, – говорит мама. А малышу всё норм, он хихикает и прячется под стул, на котором я сижу, и вопит:

– Ку-ку!

Ладно, долго так всё равно не просидишь. Интересно, где

сейчас Тилья носит? Он бы обязательно что-то придумал с этим дурацким дежурством в гардеробе, избавил бы меня от него. Может, он временно сложил с себя волонтерские обязанности и пошёл курить на крыльцо? Он умеет исчезнуть так, что никто его не хватится, кроме одного человека. Нет, не меня. Есть ещё один человек, которого Тилья не может провести. Вот, кстати, его бы мне и повидать, может, удастся уговорить на замену.

Я окидываю взглядом зону, где выставлены поделки. Судьи уже успели их оценить? Если оценка завершилась, он точно пошёл на крыльцо. Группа судей задержалась возле зоны, где сидят самые младшие, робототехники детского возраста. Кажется, там не все. Не могу понять, считаю по головам. Нет, не все, пять из семи судей. Есть шанс, что он на крыльце.

Прохожу мимо секции дошкольников, вижу на одном из столов смешного человечка в плоской шляпе. Руки у него из водопроводных труб, тело из пенопласта. А голова – жестяная банка. Ну вот, мой портрет. Вот она, моя гремющая тревожная голова, которая не может успокоиться даже в такой счастливый день...

Я теперь точно знаю: счастье пахнет разогретым резиновым покрытием велотрека. Мы готовились к Робофесту полгода, и площадка чудесная, и сделать успели много, и я чувствую себя наконец полезной и на своём месте. Мешает лишь одна мелочь, фигня, которая брякает у меня в голове неза-

креплённой гайкой.

Наверное, человечек с головой-жестянкой должен двигаться, но стоит отключённым. То ли детсадовцы уже показали его комиссии, то ли не завёлся, то ли батарейки берегут. Не знаю. Я иду дальше, ловя обрывки диалогов:

– Пофикси механизм захвата, а то роняет кубик до того, как до базы доехать...

– Синяя изолента – плюс сто пятьсот к прочности!

– Да нет, это не те боты, что на ноги вяжутся...

– У меня вычли баллы за то, что робот в сквоше ударил мяч сначала корпусом...

Где он может быть, где он может быть? Допустим, ловит волонтеров за курением. Зная его привычки, я отправляюсь к выходу из велоцентра. И угадываю безошибочно.

На крыльце солнце бьёт мне в глаза, аж слёзы выступили. Слишком яркое, весна скоро. С крыши хозпостройки напротив дворники скалывают громадные сосульки. Спихватились, что мероприятие рядом детское и опасно, а ведь уже второй день Робофеста пошёл.

Я смотрю налево и вижу Тиля, который с виноватым видом тушит бычок. А рядом с ним, как всегда, в расстёгнутом пальто на морозе, стоит тот, кого я искала.

На свете много случайных вещей. Даже моё рождение. Я думаю, родители специально не планировали, чтоб в их жизни появился кто-то с таким вредным характером. Но вот встреча с этим человеком в моей жизни точно не случайна.

Я помню. Два раза были знаки. Сначала бутылка, которую мы нашли с Приходькой. Из неё выпали детали, а Приходька надеялся на старинные монеты. Со скуки он стал придумывать, будто в бутылке сидит джинн и сейчас исполнит наши желания.

И ещё был второй раз, когда я чуть не задохнулась и что-то увидела на дне. Но началось всё-таки с Приходьки, с него всегда начинается самое душераздирающее в моей жизни.

Я подхожу и утыкаюсь неслучайному человеку под мышку. И просто стою, вдыхая запах шерстяного пальто. Думаю, это меня немного успокоит.

– Жень, что-то случилось?

– Что случилось? – спрашивает и Тиль. – Чего-то ты зелёная.

Да ничего не случилось, просто не по себе, хотя я обещала, что всё будет нормально. Ещё немножко, и я им отвечу. Сейчас. Сейчас.

– Ты что-то сказать мне хотела? – говорит Карин. Станислав Владимирович Карин, мой учитель, который научил меня всему-всему и ещё немного паять. Я по-прежнему стою, уткнувшись в его пальто, и чувствую вибрацию, которая расходится по его груди, когда он говорит. – Что с тобой? – его рука слегка хлопает меня по плечу. Меня берут за талию сзади, осторожно, как горячую кастрюлю. Это Тиль. Он отрывает меня от Карина и прижимает к себе. Интересно зачем. Тиль не очень чувствительный, чего это он.

Отвернув голову от Тиля, я говорю Карину:

– Недавно одноклассника своего встретила, его зовут Виталий. Но все его зовут, короче, Страшный. Он сказал, что хочет взорвать школу. Можно я его к тебе приведу?

– Ты думаешь, я ему помогу взорвать школу? – Карин смеётся, как всегда, за бородой почти не видно. Только морщинки от глаз разбегаются.

– А что такого, – вмешивается Тиль, – я как-то помню, прихожу к тебе на занятие подмогнуть, а там целый пожар...

– Конечно, если замкнули плюс на минус. И не пожар, а всего провод один сгорел, – обрывает его Карин. – Покурил? Испортил организм? Доволен? Дуй работать, – Карин показывает на дверь велоцентра. – Женя, а ты, может, тоже курить собиралась, а эти разговоры для отвода глаз?

– Пошли, – Тиль пытается уволочь меня от сурового Карина, но я упираюсь.

– Сейчас, мне поговорить надо.

– Ладно, давай скорее только, – Тиль отпускает меня и входит в велоцентр. Дверью хлопнул громко, от души, чуть стёкла не повывлетали.

Я стою. Карин сунул руки в карманы пальто, покачивается с носков на пятки. Киря от него эту манеру перенял, я теперь знаю. Киря – сын Карина, приёмный, правда. Оля уже после рождения Кирки с Кариным познакомилась. Такие подробности вряд ли дошли бы до моих ушей когда-то, если бы не Тиль. Он нередко сплетничает, а так бы я не догадалась.

– Можно я к тебе приведу Страшного? Витаса то есть. Ему на самом деле в школе плохо. Я слышала, Оля сказала, что ты вечно собираешь вокруг себя... Ну, странных всяких...

– Неважно, что там говорит Оля по этому поводу, – отвечает Карин, как будто наступая на мои слова, не давая договорить. Он очень быстро догадывается, что именно я скажу, поэтому часто так делает.

– Значит, можно привести?

– Если способности к технике есть, то пусть приходит. Но ты же не за этим меня искала?

Его невозможно обмануть. Я делаю глубокий вдох. Потом выдох. Потом опять вдох. Нет, так не пойдёт, я же не в спортзале на лечебной физкультуре, нет смысла тренировать глубокое дыхание. Надо всё-таки как-нибудь сказать.

– Я чувствую себя не очень, можно домой пойти?

Карин внимательно смотрит на меня и говорит:

– Кажется, причина не в этом.

Глава 1

День сглаза

Сложно поверить, что было время, когда я не знала Карина, и ещё сложнее поверить, что я видела его ещё до того, как мы встретились. Можно сказать, что в тот момент я тонула. Я знаю, у Макса не было такой цели, он просто немного не рассчитал, когда устроил мне головомойку.

Тот день никак не предполагал спасение утопающих: была совсем глубокая зима, в проруби я не купаюсь, в бассейн я не хожу. А на лёд уже потом вылезала. Я выскочила из автобуса, потому что опять укачивает. После сотряса часто так: колет под языком, рот наполняется слюной, а дальше или на свежий воздух срочно, или случится казус. Обойдёмся сегодня без казусов, а то родители узнают и в школу одну не будут отпускать, надоело.

Идти мне пока трудно, до школы никак не меньше четырёх тысяч шагов. Когда я ещё плохо ходила, я так мучилась, что подсчитала их, мы как раз от дальней остановки ходили с мамой к школе, разрабатывали мышцы.

Но лучше четыре тысячи шагов, чем опозориться в автобусе. Пойду по набережной, так приятнее.

И тут, на подступах к школе, меня посещает удача. Хорошо, что я выскочила из автобуса, а то бы так и не столкну-

лись. А нам как раз надо поговорить.

Приходька. Бредёт по набережной в сторону школы, тебя завязки на шапке. До урока полчаса, торопиться совершенно некуда. Я не зря морально готовилась к этому моменту, так что не стала раздумывать и сразу пошла к нему, так быстро, что даже залезла ногой в сугроб. Подошла и спрашиваю:

– Что, открыл край карты?

Он немножко побледнел, но ответил:

– Сейчас зима.

– И что? – говорю. Действительно, и что, разве туда сложно пробраться зимой? Не намного сложнее.

– Ты меня извини, Жесть, – еле слышно произносит Приходька. – Я бежал. Я так быстро, как мог, бежал. Я сразу всех позвал.

Зря он меня Жестью назвал. Это прозвище у меня недавно, и, в принципе, оно мне нравится, но от Приходьки его слышать неприятно. У меня уже не просто иголки, а прямо потоп во рту – от нервов. Но нужно договорить до конца.

– Бежал? Завидую тебе.

Он совсем замолчал, побледнел. Смотрит искоса, через очки. Есть у меня такая нехорошая привычка: люблю человека додавить, когда он виноват.

– А побег сейчас, Приходька, – советую я ему. – Побег, приятно посмотреть будет. И тебе легче станет, и мне.

И он послушался. Но только сначала он меня ударил.

Несерьёзно ударил, скорее пихнул в бок, пуховик спружинил. Я пошатнулась. И он потом действительно почти убежал.

Не убежал, но очень быстро пошёл, пока не скрылся из виду, а я села на скамеечку на набережной, опустила голову и стала плевать между ботинок, чтобы ликвидировать потоп.

Что-то плохо у меня получается проблемы решать. Хотела же поговорить, а вместо этого напугала. В школу мне идти расхотелось, конечно. Сначала в автобусе чуть не укачало, потом Приходька. Короче, у меня моральная травма и ухудшение самочувствия. Вот расхотелось, и всё. Взяла и обнаглела. Так что я вернулась домой.

Пришла я домой, и тут меня что-то торкнуло. Я залезла в кладовку, вынула качельки старые и привесила их к дверному косяку возле входа в кухню. Я в них уже не очень могу качаться, ноги отросли. Это дед так говорит, будто раньше у меня ног вообще не было, а тут появились. Я сидела в качельках, поворачивалась вокруг своей оси то в одну сторону, то в другую, пока веревки позволяли, и немножко скрипела. Я себя представляла висельником. В детстве я видела такой спектакль, там два хитрых брата притворились висельниками, они вот так же на верёвках качались.

Я сидела и скрипела на детсадовских качелях, смотрела на коридор и на входную дверь, и тут в замке повернулся ключ. Для мамы с папой рано, значит, пришёл из школы Макс. Он что, тоже сбежал с уроков? Мы вообще-то в одну смену

учимся.

Макс был не один, вот почему он так рано явился. Ему надо было, чтоб родители отсутствовали, и я тоже. Нередко мы одновременно выходим в школу, но сегодня он успел раньше и вот почему-то появился раньше времени дома. Будет ему неприятный сюрприз. Я перестала скрипеть, а они возились в коридоре, девочка спрашивала, как у нас тут закрывается, а Макс сказал, что сам закроет, и прижал её к курткам на вешалке. В смысле, девочку, а не дверь, дверь-то он закрыл.

Вот они там пыхтели, и вдруг Макс сказал:

– Ай.

И ещё всякие другие слова, которые никогда бы не произнёс в присутствии родителей.

– Извини, она расстегнулась, это от сглаза я ношу, я уберу сейчас, – говорит девочка. А девочка-то не промах. И она дальше говорит и вроде смеётся: – А в девятнадцатом веке рекомендовали дамам, которые в поезде ездят, булавки держать во рту.

– Это зачем? – не выдерживает Макс, хотя его сейчас совсем не занимают мысли о девятнадцатом веке.

– А когда поезд входит в тоннель, там темно становится, и чтобы всякие джентльмены... – девочка не может договорить свою умную фигню, Макс ей мешает. Ртом и пальцами. Я решаю немного поскрипеть качельками.

Они отрываются друг от друга и смотрят на меня.

– Ты же в школе должна быть, – говорит Макс.

– Ты же тоже, – скриплю я.

– У нас биологичка заболела, – говорит Макс. – А потом физра, я освобождён, всё равно делать нефиг.

– У вас вообще, по ходу, сегодня биологии нет, – говорю я. – Сегодня четверг же, я помню ваше расписание.

– Недавно переставили, – Макс отчаянно напрягает мозги, чтобы половчее соврать, но тут девочке надоедает быть прижатой к курткам, она делает попытку распрямиться, и сразу ей на голову падает вешалка.

– Прости, извини, – говорит девочка Максу. Я хлопаю в ладоши. Когда они вылезают из-под курток, я говорю:

– Чаю? – потому что девочка забавная у Макса, ради неё я побуду доброй.

– Лучше кофе, – отвечает девочка, и я сразу думаю, что она не такая уж забавная, ну её, не буду вставать. – А ты кто?

– Я девушка Макса, – говорю. Макс кидает в меня тапкой, которую хотел надеть, бедняга, и забыл, что хотел. Я бросаю тапку обратно, стараюсь в лоб ему попасть.

– Это моя сестра, – говорит Макс и добавляет прилагательное, каким при посторонних не стоит называть сестру.

– Я девушка Макса, – продолжаю я, – у нас было романтическое свидание на крыше, мы выпили, и я случайно с крыши упала. Теперь я хромаю, жизнь моя разбита. Поэтому его родители взяли меня к себе жить и заботятся обо мне. И мы поженимся, когда нам будет по восемнадцать, родители про-

следят, чтобы Макс не сбежал.

Я встаю, чтобы показать девочке, что я правда хромаю. Это производит впечатление.

Макс корчится, как саранча на огне. То есть он стоит спокойно. А внутри, я чувствую, корчится. Года три назад было летом много саранчи, и пацаны из нашего двора играли в туземцев, которые едят жареную саранчу. Сожгли много насекомых, но есть их тогда никто не решился. Вот саранчуки так же корчились на огне.

Макс ещё терпит то, что я говорю, но надолго его не хватит. Девочка поворачивается к нему:

– Это же слишком безумно, чтобы быть правдой? Да?

Она похожа на американскую девочку из какого-то сериала. И даже спрашивает так же. С такими же интонациями.

– Да. Женя всё выдумала. И кстати. Познакомься с моей сестрой Женей, у которой не всё в порядке с головой, – объявляет Макс.

– Отлично, знакомство состоялось, расскажи обо мне как можно больше интимных подробностей, – говорю я. – А то картина будет неполная. Макс любит, чтоб картина была полная, поэтому про всех всё рассказывает. Завтра, например, весь двор узнает, что у тебя была булавка в лифчике. Как тебя зовут, кстати?

– Даша.

– А теперь тебя будут звать Даша Булавка. С таким прозвищем можно сделать карьеру гангстера. Сонька Золотая

Ручка, что-то такое.

– Даша, пошли на кухню, – шипит Макс и тащит Дашу за руку. У нас кухня запирается изнутри, в этом смысл. Я стараюсь успеть за ними, но они закрываются в кухне и собираются пить кофе.

– А мне кофе? – громко обижаюсь я, хоть и не люблю его.

В двери стекло витражное, через него плохо, но видно. Я смотрю на Макса и Дашу, которые теперь в безопасности. То есть это они так думают. Я вспомнила, когда у нас был кот, мы от него иногда так же запирались, когда хотели одни без кота побыть. И он не мог просто ждать в коридоре, когда мы его опять видеть захотим, он начинал прыгать. Прыгает и в стекло пытается проскочить, оно же прозрачное, ему кажется, что это проход в кухню, он ударяется всем телом и падает. Наверное, в прошлой жизни кот был насекомым и у него остались глупые привычки. Ладно хоть он на свечку лететь не пытался, а то мама любит свечи зажигать.

Я сажусь под дверь, размышляю, готовлюсь. Потом иду в комнату, на всякий случай беру толстую книжку, Шекспира. Американская Даша наверняка не знает Шекспира, зато у неё булавки во всех местах, значит, на неё Шекспир идеально действует.

Книжка выглядит как заправский фолиант колдуньи – кожаная, с чёрным тиснением и не особо разборчивой надписью. А ещё книжкой можно будет в случае чего врезать Макс-у. Я вернулась под кухонную дверь, села, скрестив ноги, от-

крыла книжку на нужной странице и забормотала:

Жарко, жарко, пламя ярко,
Хороша в котле заварка!
Мясо трёх болотных змей,
Разварись и разопрей;
Пясть лягушки, глаз червяги,
Шерсть ушана, зуб дворняги... ¹

С каждой строчкой я повышала голос. Макс и Даша спокойно сидели на диване, а тут завозились, бедные. Наверное, они не очень понимали, что я там называю, какие дьявольские ингредиенты, но общий тон был зловещим. В общем, если они хотели получить от сегодняшнего дня какие-то эротические впечатления, эта затея провалилась. Я вдохновенно продолжала:

Жало гада, клюв совёнка,
Хвост и лапки ящерёнка —
Для могущественных чар
Нам дадут густой навар.

Дверь кухни рывком распахнулась, Макс въехал в меня дверью и немного даже сдвинул с места.

– Что ты делаешь?!

¹ У. Шекспир. «Макбет» (здесь и далее в переводе М. Лозинского). – *Примеч. ред.*

– Порчу навожу, – сказала я как можно громче, чтобы Да-ша в кухне тоже слышала.

Макс попытался поднять меня с пола, ругаясь. Я подгибала ноги и отбивалась книжкой.

– Поосторожнее со мной, – кричала я, – а то сглажу! Причём именно тебя, Максик, у Даши булавка, ей ничего не страшно!

Макс взвалил меня на плечо и понёс по коридору подальше от кухни. Мне всегда нравилось, когда он меня так носил. Пока моя нога была в гипсе, это часто случалось. Вися вниз головой, я ухитрилась открыть книжку и прокричать, глядя на прыгающие строчки:

Пальчик детки удушённой,
Под плётнем на свет рождённой,
Тигра потрох размельчённый —
Вот в котёл заправка наша,
Чтобы гуще вышла каша.

Дочитывала я уже в ванной, куда меня сгрузил Макс. Я думала, он собирается меня тут закрыть. Мы кота, когда у нас был кот, точно так же закрывали. В ванной стояли тазы с бельём, и кот, когда мы его запирали, в тазиках играл в рыболова, вытаскивал трусы и носки и таскал по всей ванной. Это была такая месть. Сейчас в ванной тоже стоял таз с бельём, моим, кстати, бельём, три дня руки не доходили прополоскать.

Макс схватил меня за шиворот и ткнул головой в таз так, что ноги у меня оторвались от пола. Книжка выпала из рук, я схватилась за края тазика и попыталась разогнуться. В глаза лезли мыльная пена и мокрые тряпки. Я старалась не вздохнуть случайно, лягалась, но Макс был сильнее. Начинало знакомо щипать под языком.

– Макс, не надо! Макс, не надо! – голосила Даша, которая тоже зачем-то пришла в ванную. Меня спасти. Спасибо, суеверная американская девочка, но я тебя потом всё равно сглажу. Вот только вылезу из тазика. И сразу сглажу. Возьму бабушкину книжку заговоров, она на антресолях до сих пор лежит.

Макс так надавил, что я до дна достала. И поскользнулась лицом. И вот тут как раз я увидела человека с шестерёнками. Он будто вспыхнул в моём мозгу. Так бывает перед сном: закрываешь глаза, уснуть пока не можешь, но в мозгу появляются картинки. Красивые, яркие, жаль, я рисовать не умею. Я мгновенно забыла, что именно увидела, осталось только понимание: человек с шестерёнками. И всё-таки я вдохнула. Даша, наверное, оттащила Макса назад. Поэтому мне удалось выскочить из таза. Я не могла выбрать, что делать – кашлять или дышать, и ещё своротила локтем полку под зеркалом, зубные щётки попадали, Макс и Даша сразу на них наступили, оставили своих микробов.

Когда я смогла прокашляться, то услышала шевеление в прихожей. Значит, успели прийти ещё и родители. Макс

и Даша наверняка пытались с ними разминуться. Мне было очень интересно послушать, как Макс начнёт объяснять, зачем он меня топил. Но голова кружилась, я села на край ванны и закрыла глаза.

Человек с шестерёнками. Значит, вот что у меня прячется в голове, где-то там, по ту сторону дыхания, близко к смерти.

Глава 2

День внезапных решений

На следующий день я стала собираться на физкультуру. Как ни в чём не бывало.

Тренировочные штаны и футболку я специально вчера за-сунула в машинку. Сегодня уже высушились. Мама закопала их в куче неразобранного сухого белья на кресле. Может, автоматически. Но я думаю, что она сделала это специально. Я вытаскиваю свою физкультурную форму и складываю в отдельный пакет. Потом кладу в рюкзак.

Физкультура вторым уроком. Мама всегда проверяет, собран ли мой рюкзак правильно, не доверяет мне. Я в этот раз стараюсь её отвлечь по-всякому. Расспрашиваю, уже стоя в ботинках в прихожей, про Макса, как он там. Макс вообще-то наказан. Папа поменял пароль от вайфая. И оттого, что Макс наказан, он сам на всех обиделся и простёрся в маленькой комнате на своём лежбище лицом вниз.

— Я вообще-то на него не обижаюсь, ты передай ему, у меня даже синяков нет, — прошу я маму. — Я сама себя вела плохо, ну просто плохо себя чувствовала.

— Ты приняла таблетки? — спрашивает мама, наверное, в третий раз. Она всегда про всё мне напоминает, но про таблетки ей хочется напоминать снова и снова. Их надо прини-

мать по часам. Она считает, что я не справлюсь, потому что мне надо будет следить за временем в школе. Наверное, она будет мне звонить.

– Я приняла таблетки, – говорю я, стараясь не очень заметно сердиться, и поворачиваюсь, чтобы выйти из квартиры. Но мама останавливает меня, ловит за ручку рюкзака.

– Всё взяла?

Я не успела вывернуться. Она расстёгивает рюкзак и видит физкультурную форму.

– А это тебе зачем?

– Нас заставляют переодеваться и сидеть в зале. Анна Григорьевна дура, я тебе говорила.

– По-моему, ты *меня* за дуру держишь, – замечает мама. Вытаскивает пакет и кладёт его на тумбочку в прихожей. – Посидишь в джинсах, не убьют они тебя.

– Ты мне настолько не доверяешь? – вырывается у меня.

– Так, время! Опаздываешь уже, – перебивает мама.

– Я хочу в туалет!

Чтобы попасть в туалет, надо снять ботинки, а то натоппешь же по чистому, разве мама допустит. Я сижу в туалете довольно долго и ничего не делаю, чтобы маме стало скучно и она переместилась на кухню. Когда она уходит, я выхожу из туалета, хватаю физкультурный пакет и направляюсь в большую комнату. Мне этот пакет надо как-то вынести. Я открываю окно и вижу, что внизу через сугробы пробирается Приходька. Что-то он зачастил через мой двор в школу

ходить, специально нарывается? За спиной я слышу мамы шаги и не даю себе подумать, кидаю пакет в окно, рядом с Приходькой. Потом начинаю кричать:

– Тварь, быстро пакет отдал! Взял, повернулся и сюда пошёл! Куда, я сказала!

Отчаянно надеюсь, что Приходька разглядит мои подмигивания с третьего этажа и сделает всё иначе.

Приходька смотрит на меня непонимающе.

– Отдай пакет! – бешусь я.

Он берёт пакет под мышку и направляется в сторону школы. Либо он меня понял и стал моим союзником, либо он подумал, что этим причинит мне вред. В любом случае, молодец, сработал в мою пользу.

– Ты зачем пакет в окно кинула? – обрела дар речи мама.

– Психанула.

– Как зовут этого мальчика? Нужен его мобильный телефон. Если не даст, узнай у классной. Пусть вернёт вещи, – мама поджимает губы.

– Его зовут Ваня Приходько, – напоминаю я. Мама должна помнить Приходьку, и она помнит. Губы у неё поджимаются ещё сильнее, она прямо цедит:

– Это с которым в заброшку лазили.

– Да, было дело, – киваю.

– Иди в школу, я позвоню его маме.

Бедный Приходька. Спас меня такой ценой. Мама у него суровая.

Впрочем, никто не говорит, что Приходька не заслужил подобного отношения. Он заслужил.

Я быстро одеваюсь, нагружаю на себя рюкзак и почти бегу к автобусной остановке. Приходьку я так и не смогла нагнать. Но когда я вошла в школу, он ждал меня в раздевалке. С пакетом. Звонок уже был.

– Вот спасибо, спас меня, – я забираю у него пакет. Приходька тяжело смотрит на меня. Я подхожу и целую его. Не знаю зачем. Целоваться мы по-прежнему оба не умеем, если сравнить с летом, никакого прогресса. Так что получается не очень интересно. Но потом мы ещё стоим и дышим, дышим в лицо друг другу. Я поворачиваюсь к вешалке и начинаю пристраивать куртку поверх горы из сотни других курток. Я её вешаю целую вечность и потом пытаюсь догнать Приходьку, который идёт в класс, быстро, засунув руки в карманы, втянув голову в плечи, весь какой-то отдельный.

Толку быть отдельным, если мы сидим за одной партой.

Физичка ещё не пришла. В классе шум, второй стадии. Третья стадия – это когда летают стулья, вторая – когда только пеналы. Физичка у нас строгая, если увидит стул в полёте, то пострадает не только тот, в кого кидали, а все без разбору.

Приходька садится на своё место. А на моём месте сидит Влада, которая со мной не разговаривает уже месяц. Вообще раньше это её место было. А я сидела со Страшным. Потом мы дружили с Владой и старались сесть вместе. Приходька иногда сидел с нами третьим, потому что не хотел со Страш-

ным сидеть. Потом Влада со мной поссорилась и отсела к Насте, на место заболевшей Леры.

А теперь Лера, значит, выздоровела.

Я тащусь на своё старое место и сажусь со Страшным.

Страшный не определился, как реагировать, нейтрально пишет в тетрадке. «Класс-на-я-ра-бо-та». Я смотрю на Приходьку, который сидит теперь впереди слева. Приходька жуёт бумагу с неясными целями.

Я смотрю теперь прямо перед собой на серую кофту Влады, постукиваю ручкой по столу. Думаю, почему бы что-нибудь не написать на этой кофте. «Класс-на-я-ра-бо-та», например.

Входит физичка. Сегодня у неё длиннющие фиолетовые ногти. И золотой пояс. Кольчужный. Не по школьному уставу, но физичке плевать. Парни часто вкладывают в тетради с лабораторными работами записочки для физички. «Невидимое письмо, проявлять в кислоте при температуре 30 градусов по Фаренгейту». Физичке лет немало, несмотря на молодой вид, она на такие шуточки давно не покупается. И правильно делает. Думаю, если проявлять письма, там либо пустота, либо нарисовано что-то неприличное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.